

0690



HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Мэрон Кендрик

**ГАРАНТИЯ
НА ЛЮБОВЬ**



Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Шэрон Кендрик

Гарантия на любовь

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кендрик Ш.

Гарантия на любовь / Ш. Кендрик — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07288-7

Алек Сарантос, влиятельный и успешный бизнесмен, привык жить в свое удовольствие, и встречается он только с роскошными женщинами. Милая искренняя Элли Брукс – абсолютная противоположность этим красавицам. Однако Алек привык ни в чем себе не отказывать, поэтому внезапное влечение к Элли привело к тому, что они провели вместе ночь. Не желая продолжения отношений, Алек решает избавиться от вспыхнувших чувств и исчезает из жизни Элли. Через некоторое время Элли понимает, что беременна. Она находит Алека и требует, чтобы он женился на ней...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07288-7

© Кендрик Ш., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Шэрон Кендрик
Гарантия на любовь
Роман

Sharon Kendrick

Carrying the Greek's Heir

Carrying the Greek's Heir © 2015 by Sharon Kendrick

«Гарантия на любовь» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Он хотел ее. Хотел так сильно, что ощущал это физически.

Алек Сарантос сидел, барабанил пальцами по льняной скатерти. Пламя высоких свечей трепетало на ветру, и аромат роз наполнял воздух его. Он слегка изменил позу, но не мог устроиться поудобнее.

Алек чувствовал себя беспокойно.

Может, во всем виновата мысль о возвращении в бешеный ритм лондонской жизни, что подогрела его сексуальный голод, и теперь желание пульсировало в его венах, обволакивая все тело, точно густой, сладкий мед. Он почувствовал, что ему трудно дышать. А может, это она.

Алек смотрел на женщину, направлявшуюся к нему по высокой траве, в которой, точно светлые шарики, блестели полевые цветы, освещаемые угасающим светом летнего вечера. В робком свете всходящей луны виднелись очертания ее тела в простой белой блузке, заправленной в черную юбку, которая, казалось, была мала ей на размер. Облегающий фартук подчеркивал ее бедра. Все в ней было нежным – кожа, тело, мягкие шелковистые волосы, заплетенные в толстую косу до пояса.

Желание его было неутолимимым. Но она не принадлежала к его типу женщин, определенно. Обычно его не заводили официантки с аппетитной фигуркой, какой бы непринужденной и дружелюбной ни была их улыбка. Он предпочитал худых и независимых женщин, а не пышек с мягкими формами. Женщин с холодными глазами, которые сбрасывали трусики, не колеблясь, без лишних вопросов. Которые играли по его правилам – не оставлявшим им особого выбора. Правилам, которые строго определяли его как хозяина положения и позволяли вести жизнь, свободную от каких-либо обязательств.

Так отчего он испытывал интерес к какой-то девчонке, маячившей перед его глазами всю неделю, отчего смотрел на нее, как на спелую сливу, вот-вот готовую упасть с дерева? Наверное, виной всему ее фартук, вызывающий в его воображении весьма откровенные эротические сцены.

– Ваш кофе, сэр.

Даже голос ее был нежным. Алек вспомнил, как впервые услышал его – низкий и музыкальный – когда она успокаивала ребенка, порезавшего колено об острый гравий дорожки. Алек возвращался к себе после игры в теннис с местным профессионалом и заметил ее, присевшую на корточки возле мальчика, сохраняя абсолютное спокойствие рядом с трясущейся и побелевшей от страха няней ребенка. Она остановила кровь своим носовым платком и, повернув голову, увидела Алека, а затем сказала:

– Зайдите в отель и принесите аптечку.

Голос девушки был абсолютно невозмутим. И Алек повиновался. Он, мужчина, привыкший отдавать приказы, а не получать их, пошел и вернулся с аптечкой. И внезапно у него перехватило дыхание, когда он наблюдал, с каким доверием смотрел на нее мальчик глазами, полными слез.

Официантка же, ставя кофе перед ним, слегка наклонилась, и он не мог не обратить внимание на ее грудь, туго натянутую блузку. Он поймал себя на мысли о ее сосках – интересно, каково почувствовать их своими губами. Она выпрямилась, и он увидел ее серые, с оттенком стали глаза, на которые падала густая светлая челка. На ней не было украшений, лишь тонкая золотая цепочка и бейдж с именем Элли.

Элли.

Она всю неделю обслуживала его, прислушиваясь к каждому его капризу. Это не было Алеку в новинку, но все же ее присутствие было удивительно ненавязчивым. Она не пыталась втянуть его в разговор или развлечь шуткой, она была приятной и дружелюбной, но не

делала никаких намеков на то, что желала бы в свободный вечер куда-нибудь с ним прогуляться. Иными словами, она не вела себя так же, как все остальные женщины в его присутствии. Она обращалась с ним так же вежливо и скромно, как и с любым другим гостем не приметного отеля «Нью Форест», – может, это его и задело.

Возможно, Элли напомнила ему его самого много-много лет назад? У Алека когда-то было точно такое же желание вырваться в люди – тогда он, как и Элли сейчас, обслуживал столики, начиная с нуля.

Он очень много работал, чтобы навсегда оставить нищету в прошлом, выковать новое будущее, и многому научился. Он полагал, что успех – решение любой проблемы в жизни, но оказался неправ.

Алек начал понимать это теперь – достигнув всего, что когда-то пожелал достичь, преодолев все невзгоды и наполнив банковские счета немислимыми богатствами, отдавая бесчисленное количество денег на благотворительность и все равно зарабатывая больше и больше.

– Это все, или еще какие-то пожелания, мистер Сарантос? – спросила его Элли.

Голос ее был точно бальзам на его измученную душу.

– Не знаю, – протянул он и поднял глаза к небу.

Над ним на темнеющем небе начинали появляться звезды – будто какой-то неземной художник брызнул серебром на холст. Он подумал о завтрашнем возвращении в Лондон, и вдруг какое-то внезапное, необъяснимое желание заставило его опустить голову и встретить ее взгляд.

– Еще рано, – заметил он.

Элли быстро улыбнулась ему.

– Если обслуживаешь столики весь вечер, половина двенадцатого не кажется таким уж ранним часом.

– Да, наверное. – Он бросил в кофе кусочек сахара. – Во сколько вы заканчиваете?

Улыбка ее померкла.

– Где-то через десять минут.

Алек откинулся на спинку стула и вновь изучающе взглянул на Элли. Ноги ее были слегка загорелыми.

– Прекрасно, – пробормотал он. – Вот это настоящее везение. Почему бы вам не присоединиться ко мне и не выпить чего-нибудь?

– Не могу, – ответила она. – Братание с клиентами не допускается.

Алек натянуто улыбнулся. Она использовала старомодное слово, в корне которого лежит слово «брат». Бесплезное слово, по его мнению, – у него никогда не было братьев. У него вообще никого не было. Алек всегда был одинок в этом мире, и ему это нравилось. Вот только этой звездной ночью оставаться одному нельзя, тут просто не обойтись без женщины.

– Я просто приглашаю вас присесть со мной, *poulaki mou*, – терпеливо сказал он. – Я же не собираюсь затащить вас в темный угол и совершить какую-то непристойность.

– Все равно, лучше мне не рисковать, – ответила Элли. – Это противоречит правилам отеля. Извините.

Алек давно не получал отказов.

– Но я завтра уезжаю, – сказал он.

Элли кивнула. Она знала это. Это знали все в отеле. Сотрудники были неплохо информированы о греческом миллиардере, наделавшем шуму своим приездом в «Хог» на прошлой неделе. Их отель был самым роскошным на берегу Англии, так что они привыкли к богатым и требовательным гостям, – но Алек Сарантос был самым богатым и требовательным из всех них. Его секретарь отправил заранее список его предпочтений, и всему персоналу посоветовали его выучить.

Она знала, что Алек предпочитает перевернутую глазунью, желтками вниз, как делают в Америке, где он недолго жил. Что он пьет красное вино, иногда виски. Одежда его прибыла в отель до его приезда – со специальным курьером, каждая деталь туалета завернута в тончайшую папиросную бумагу. Для персонала устроили даже небольшую подготовительную лекцию перед приездом гостя.

«Мистеру Сарантосу необходимо личное пространство. Ни при каких обстоятельствах его нельзя беспокоить, пока он сам не захочет общения. Это необычайная удача для нашего отеля, что он остановился здесь, так что мы должны создать ему такие условия, чтобы он чувствовал себя комфортно».

Элли отнеслась к инструкции серьезно, потому что стажировка в отеле давала ей надежду на будущее и уверенность. Потому она, в отличие от других особ женского пола, старалась обращаться с этим греческим воротилой бизнеса по возможности беспристрастно. Она не предпринимала попытки заигрывать с ним, как другие. Она достаточно практично мыслила, чтобы понимать свои возможности и то, что Алек Сарантос никогда не заинтересуется кем-то вроде нее, непримечательной мышкой.

Но она, конечно, на него поглядывала. Даже монахиня не осталась бы равнодушна к нему: мужчины, подобные Алеку Сарантосу, не так уж и часто встречаются обычному человеку.

Черты его лица слишком уж выдавали жесткость, так что вряд ли можно было назвать его красивым, а чувственные губы застыли в безжалостной усмешке. Волосы были черными как смоль, а кожа гладкой и бронзовой, но больше всего приковывали внимание глаза в оправе черных ресниц, от них было невозможно отвести взгляд. Они были ярко-голубыми, точно вода в море под золотыми лучами солнца. В них читалась язвительная насмешка, и казалось, они заставляли ее чувствовать...

Что?

Элли слегка покачала головой. Она не понимала, что это за смутное ощущение. Казалось, они каким-то непостижимым образом были родственными душами.

Она сжала поднос сильнее. Пора было, извинившись, уходить домой.

Но Алек Сарантос все еще пристально сверлил ее взглядом, точно ожидая, что она передумает, и его голубые глаза творили с ней странные вещи – она на миг почувствовала неудержимое желание поддаться его напору.

– Уже почти двенадцать, – с сомнением сказал она.

– Я прекрасно умею определять время, – произнес Алек с легким нетерпением в голосе. – Что случится, если вы задержитесь до полуночи? Машина превратится в тыкву?

Элли с изумлением вскинула голову. Он, оказывается, знает сказку про Золушку.

– У меня нет машины, – произнесла она. – Только велосипед.

– Вы, живя в какой-то глуши, не имеете машины?

– Нет. – Она прижала поднос к боку и улыбнулась, будто объясняя пятилетнему ребенку простейшие правила вычитания. – В этих краях удобнее ездить на велосипеде.

– А если вы захотите поехать в Лондон или на побережье?

– Я нечасто езжу в Лондон. А еще у нас есть такие штуки, как автобусы и поезда. Общественный транспорт.

Он бросил в кофе еще один кубик сахара.

– Я не пользовался услугами общественных учреждений лет до пятнадцати.

– Что, правда?

– Да. – Он бросил на нее беглый взгляд. – Ни на автобусе не ездил, ни на поезде – даже на самолетах рейсовых не летал.

Элли уставилась на него в недоумении. Что за жизнь у него была? На какой-то миг ей захотелось показать ему, как живет ей. Может, предложить встретиться завтра утром и поехать на автобусе в ближайший город Милмауз-он-Си? Они бы пили обжигающий чай из

картонных стаканчиков и любовались на природу, проносящуюся за окном – она готова поспорить, он никогда в жизни не делал ничего подобного.

Но Элли оставила эту идею. Алек был звездой-миллиардером, а она – официанткой, и хотя гости любили порой делать вид, что видят в служащих персонала равных, все понимали, что это не так. Богатые любят играть в обычных людей, но для них это лишь игра.

Элли вдруг вспомнила, что говорил ей генеральный директор, когда она впервые присоединилась к программе стажировки. Влиятельные гости иногда не прочь поговорить, и не стоит им отказывать в беседе.

Она вновь посмотрела в голубые глаза Алека – и тут же странная дрожь пробежала по ее телу, но она решила не обращать на это внимания.

– Как так вышло, – спросила она, стараясь говорить естественно и спокойно, – что вы не ездили на общественном транспорте до пятнадцати лет?

Алек откинулся на спинку кресла, размышляя над ее вопросом. Его прошлое было зоной, в которую он не допускал посторонних. Он вырос во дворце и с детских лет знал, что такое роскошь.

И он ненавидел каждую минуту своего детства.

Дворец представлял крепость, окруженную высокими стенами и охраняемую злыми собаками. Туда нелегко было войти, как и нелегко было выйти оттуда. Самые низкие по чину слуги подвергались осмотру, точно животные, и платили им до неприличия много, чтобы они закрывали глаза на поведение его отца. Отец смертельно боялся, что пикантные истории из его жизни попадут в газеты.

Отец нанимал первоклассных охранников, которые должны были сдерживать толпы зевак, журналистов и бывших любовниц. Когда в их гавань заплывало судно, к нему немедленно посылались водолазы, которые должны были втайне от гостей обследовать роскошную яхту, и лишь потом судно разрешалось войти в бухту. Подрастая, Алек не знал, что такое остаться хоть на миг одному: рядом всегда маячила дородная фигура очередного охранника. И однажды Алек сбежал. Ему было пятнадцать. Он оставил дом позади и порвал с прошлым. Он поменял роскошь и богатство на бедность, практически нищету, но свою новую жизнь он начал ценить, чувствуя жажду идти вперед.

Поняв, что официантка все еще ждет ответа на свой вопрос и, кажется, не слишком торопится закончить смену, он улыбнулся, ощутив, как сердце его забило быстрее от какого-то странного предвкушения.

– Потому что я вырос на греческом острове, там нет поездов и очень мало автобусов.

– Просто идиллия, – ответила Элли.

Улыбка Алека померкла. Она, как и все, предполагает, что жизнь его была сказочной и прекрасной.

– Уверяю, вам так только кажется, – ответил он ей. – Но стоит копнуть глубже, и все оказывается совсем иным. Так всегда происходит в жизни.

– Что ж, вам виднее, – произнесла Элли, беря поднос в другую руку. – А ваша семья все еще живет в Греции?

Он медленно улыбнулся – так же медленно тонет нож в свежем растворе бетона. Семья? Он бы точно не выбрал это слово, чтобы описать тех людей, что вырастили его. Отец постоянно менял женщин. А мать бросила сына, даже не побеспокоилась позвонить и узнать, как у него дела.

– Нет, – сказал он, – после смерти отца остров продали.

– Остров? – Элли буквально раскрыла рот от изумления. – У вашего отца был целый остров?

Глядя на ее приоткрытые губы, он снова почувствовал сильный жар в паху и дикое желание. Она так удивилась, будто он сказал, что у него дом на Марсе. Он взглянул на ее руки,

ногти без маникюра, и каким-то странным образом захотел ее еще сильнее. Он все-таки не был с ней до конца честен, когда сказал, что не собирается затаскивать ее в темный угол. Сейчас эта идея ему была очень по душе.

– Вы стоите здесь уже так долго... наверное, ваша смена уже закончилась, – сухо заметил он. – Может, все же присоединитесь ко мне?

– Да, полагаю, можно. – Элли засомневалась.

Трудно было устоять перед напором Алека, его настойчивость льстила Элли – странно, почему это он так заинтересован в ней?

– Чего вы боитесь? – поддел он ее. – Думаете, я не способен вести себя как джентльмен?

Лунный свет и опьяняющий аромат роз сводили Элли с ума, от благоразумия не осталось и следа. В последний раз ее приглашали на свидание около года назад. Ее расписание было таким сумасшедшим, что времени на себя практически не оставалось.

Она посмотрела в глаза Алека:

– Я как-то не думала об этом.

– Ну так подумайте сейчас. Вы обслуживали меня целую неделю, так почему бы не разрешить мне за вами поухаживать для разнообразия? У меня холодильник забит бутылками ликера, к которому я не прикоснулся. Если вы голодны, могу предложить вам шоколад или абрикосы. – Он встал и вопросительно посмотрел на нее. – Так что, могу я налить вам бокал шампанского?

– С чего вдруг? Вы празднуете что-то?

Он тихонько усмехнулся:

– А что, нужен какой-то повод? Я полагал, все женщины любят шампанское.

– Не я, – она покачала головой. – От пузырьков я чихаю. И к тому же мне ведь еще ехать домой. Лучше что-нибудь помягче, безалкогольное.

– Неудивительно. – Он бросил на нее странный взгляд и улыбнулся. – Присядьте и давайте посмотрим, что я смогу найти.

Он исчез внутри комфортабельной виллы, обеспеченной всем, чем только можно, – такие дома тоже были на территории отеля, а Элли смущенно примостилась на одном из плетеных кресел, молясь про себя, чтобы ее никто не заметил сидящей на веранде у гостя.

Она окинула взглядом тихую полянку с огромным дубом, отбрасывающим гигантскую тень. В столовой все еще горели свечи, и она видела людей, пьющих кофе.

Через минуту появился Алек с бокалом ледяной колы для нее и чем-то, похожим на виски, для себя.

– Наверное, нужно было поставить напитки на поднос, – сказал он.

Элли сделала глоток:

– И надеть фартук.

Он поднял брови:

– Я могу позаимствовать ваш.

Элли поставила бокал, радуясь, что темнота скрывает ее пылающие щеки.

– Я не могу остаться надолго, – быстро сказала она.

– Да я как-то и не ожидал этого. Как кола?

– Вкусная.

Он откинулся на спинку стула:

– Ну так расскажите мне, почему молодая женщина двадцати... – Он вновь вопросительно посмотрел на нее.

– Мне двадцать пять, – помогла она ему.

– Двадцати пяти. – Он сделал глоток виски. – Работает в таком месте.

– Это прекрасный отель.

– Тихое местечко.

- Мне нравится покой. А еще этот отель славится по всему миру программой стажировки.
- Ну а как насчет... – Он помолчал. – Ночной жизни? Клубы, мальчики, вечеринки?

Элли смотрела на пузырьки газа, суетящиеся вокруг кубиков льда в ее стакане. Нужно ли ему объяснять, что она намеренно выбрала тихую, размеренную жизнь, которая контрастировала с тем хаосом, что окружал ее в детстве? Ее мать считала, что верхом амбиций женщины должен быть богатый мужчина, который способен ее прокормить. Элли быстро поняла, как она жить не хочет. Она не собирается встречаться с парнем только из-за денег.

– Я сконцентрирована на своей карьере, – сказала она. – Я хочу путешествовать, и я этого добьюсь. Когда-нибудь я стану генеральным директором – если не здесь, то в другом отеле группы «Хог». Здесь очень жестокая конкуренция, но нет ничего плохого, чтобы ставить высокие планки. – Она отпила немного колы и посмотрела на него. – А как насчет вас?

Алек покрутил бокал виски. Обычно в такие моменты он менял тему, потому что не любил рассказывать о себе. Но ее манера задавать вопросы странным образом вызывала в нем желание отвечать.

Он пожал плечами:

– Я самодостаточный человек, всего добился.

– Но вы говорили...

– Что у моего отца был остров? Да, это так. Но он не оставил мне своих сбережений.

А если бы отец это сделал, Алек бы швырнул ему в лицо его деньги.

– Все, что у меня есть, я заработал сам.

– Это было... сложно?

Мягкость голоса Элли гипнотизировала. Будто на его давно не заживающую рану нанесли бальзам.

– Это было освобождением, – сказал он искренне. – Порвать с прошлым.

Она понимающе кивнула:

– И начать все сначала?

– Именно. Я люблю принимать все решения самостоятельно.

И вдруг у него зазвонил мобильный, и он автоматически потянулся к карману, вытащил его и посмотрел на экран.

– Работа, – произнес он одними губами, принимая звонок.

Сначала Алек разразился тирадой на греческом, а потом внезапно перешел на английский – Элли могла лишь сидеть и слушать.

– Я и так в отпуске. Ты же знаешь. Я просто подумал, что было бы хорошим решением согласовать все с офисом в Нью-Йорке. – Он нетерпеливо побарабанил пальцами по подлокотнику плетеного стула. – Хорошо, я тебя понял. Хорошо.

Он прервал беседу и увидел Элли, во все глаза глядящую на него.

– В чем дело? – требовательно спросил он.

Она пожала плечами:

– Это не мое дело.

– Нет, мне интересно.

Она поставила бокал:

– Вы когда-нибудь отдыхаете от работы?

Его раздраженный взгляд сменился невольной улыбкой.

– По некой иронии судьбы, мой ассистент говорил сейчас то же самое. Он сказал, что я не имею права портить отдых другим, если сам не умею отдыхать. Они меня уже давно уговаривали на этот отпуск.

– Так почему вы в такое время совершаете деловые звонки?

– Звонок был важным.

Алек видел в ее словах только обезоруживающую искренность. Так вот отчего люди берут отпуск – чтобы встряхнуться, вырваться из привычного окружения? В его обычной жизни никто не осмелился бы сделать ему замечание относительно того, что он не умеет отдыхать.

Но внезапно его прежняя привычка отстраняться от всех ради бизнеса показалась ему такой незначительной сейчас. Все, что вдруг стало важным, – это нежное лицо напротив. Он подумал о том, как бы смотрелись ее волосы, если бы он распустил этот ее хвостик и рассыпал их по подушке. Как бы он почувствовал ее нежное тело под собой...

Он допил виски и поставил стакан, намереваясь прогуляться по веранде и заключить ее в объятия, когда подвернется момент.

Но именно в этот момент Элли смахнула густую челку с глаз, и этот резкий жест привел его в чувство. Он нахмурился, точно пробудившись ото сна.

Неужели несколько минут назад он и впрямь подумывал о том, чтобы соблазнить ее? Он взглянул на ее дешевые туфли, ногти без маникюра, на густую челку – похоже, она сама ее стрижет. Он что, сумасшедший?

– Становится поздно, – произнес Алек резко, поднимаясь. – Где ваш велосипед?

Элли удивленно моргнула:

– На велосипедной стоянке.

– Пойдемте, – сказал он. – Я провожу вас.

Она покачала головой, и ему показалось, что губы ее дрогнули.

– Ну правда, не нужно. Я ведь добираюсь до дома каждый вечер сама.

– Я вас провожу, – упрямо сказал он. – И ответ «нет» не приму.

Они шли по траве, залитой лунным светом, и он убеждал себя, что делает все правильно, однако не мог не чувствовать ее разочарование.

Они дошли до отеля, и Элли смущенно улыбнулась Алеку.

– Мне нужно переодеться и взять сумку, – сказала она. – Так что, пожалуй, пожелаю вам спокойной ночи. Спасибо за колу.

Алек кивнул.

– Спокойной ночи, Элли, – ответил он и наклонился к ней, желая поцеловать ее в щеку, но вышло совсем по-другому.

Она повернула голову, их губы встретились, и поцелуй получился вовсе не таким невинным. Он увидел, как зрачки ее расширились, почувствовал тепло ее дыхания. Он ощутил привкус колы на ее губах, и это напомнило ему о юности и невинности – обо всем, чего он был лишен в свое время. И уже рефлексивно он притянул ее ближе и поцеловал настойчивее, не удивившись ее тихому возгласу радости.

Все напряжение предыдущих дней прорвалось в страстном желании прикоснуться к ней, ласкать ее тело, и он прижал Элли к стене. Ощувив нежную кожу ее живота, он застонал, желая прижаться к ней всем своим телом, чтобы она почувствовала, как он ее хочет, и поняла, что лучшим вариантом было бы, если бы он оказался в ней. Лаская ладонью ее набухший сосок, он закрыл глаза. Стянуть с нее трусики и овладеть ею прямо здесь, на месте?

Он прижался к ее губам более настойчивым поцелуем, и она тихонько застонала – так что он уже почти был готов последовать зову своих эротических желаний.

Почти. Но все же он этого не сделал.

Алек отстранился, хотя тело его отчаянно протестовало. Но он сумел проигнорировать эти сигналы, так же как и молчаливую мольбу в ее глазах. Неужели он готов был настолько забыть о своей репутации, что чуть не занялся сексом на улице с какой-то незнакомой официанткой?

Прошло несколько минут, прежде чем он вновь ощутил контроль над собой и смог заговорить, качая в недоумении головой:

– Это было ошибкой.

Элли почувствовала себя так, будто ее окатили холодной водой. Интересно – почему это он остановился? Он ведь тоже это почувствовал, вне всяких сомнений – между ними явно пробежала искра, это было похоже на магию.

– Почему?

Последовала пауза.

– Потому что вы заслуживаете большего, чем я могу вам предложить. Я – последний мужчина, который вам сейчас нужен. Вы примерная девочка, а я Серый Волк. Идите домой, Элли. Уходите, пока я не передумал.

Алек отвернулся и пошел по траве, залитой лунным светом.

Глава 2

– Тот мужчина, с которым я видела вас вчера вечером, – ваш жених?

Вопрос прозвучал неожиданно, и Элли пришлось заставить себя сконцентрироваться на словах клиентки, потому что она чувствовала себя крайне подавленной, и мрачные мысли кружили в ее мозгу, затмевая все происходящее. Из-за неожиданно накатившей жары в ресторане ступить было некуда, и Элли просто сбилась с ног.

Но сейчас, к вечеру, толпа гостей схлынула, и осталась одна тощая блондинка, потягивающая третий бокал вина. Голова Элли пульсировала от боли, и она была измучена – возможно, оттого, что не сомкнула глаз прошлой ночью. Она лежала на своей узкой кровати с открытыми глазами, уставясь в потолок и размышляя о том, что произошло. Элли снова и снова повторяла себе, что это просто безумие – так себя изводить из-за одного поцелуя, который к тому же был ошибкой.

Алек был миллиардером из Греции, и пути их совсем не могли пересекаться ни при каких обстоятельствах. Она его не знала, у них даже не было ни одного свидания, и все же... Она облизала внезапно пересохшие губы. Все получилось как-то уж слишком быстро и слишком... страстно, разве нет? Она вспоминала его руки, накрывшие ее груди и сжимавшие их до боли. Она вспомнила, как он прижал ее к стене и какое отчаяние на нее нахлынуло тогда – он прижался к ней всем телом, и она ощутила его твердый член. На какой-то миг она подумала, что он попытается овладеть ею прямо там, и с ужасом осознавала, что часть ее была вовсе не против.

Блондинка до сих пор хищно смотрела на нее, точно птица, заприметившая червяка.

– Так он ваш жених? – поддразнила она.

– Нет, – быстро ответила Элли. – Нет.

– Но вы целовали его.

Пальцы Элли нервно скользнули по холодному стеклу бутылки с вином, но она быстро оправилась и положила ее в ведерко со льдом. Она оглянулась в испуге, что кто-нибудь из персонала услышит их беседу. Персоналу ни в коем случае нельзя сближаться с гостями.

Элли растерянно пожала плечами.

– Неужели? – слабо спросила она.

Во взгляде блондинки не было ни капли сочувствия, но в нем явно читалось любопытство.

– Вы же не станете этого отрицать, – лукаво ответила она. – Я курила за тем большим деревом и заприметила вас. А потом я видела, как он провожал вас до отеля – вы не очень-то старались скрыться от чужих глаз. Вы ведь знаете, кто он, не так ли?

Элли замерла, вспомнив его голубые, точно чистая вода, глаза, и сердце ее подскочило. Про себя она подумала: «Конечно, знаю, он – самый прекрасный мужчина, которого я когда-либо видела».

– Конечно, знаю. Он... он...

– Один из богатейших мужчин, и обычно компанию ему составляют супермодели и наследницы больших состояний, – нетерпеливо закончила за нее блондинка. – Так вот, мне интересно, что он нашел в вас?

Элли выпрямилась. Кем бы ни была эта женщина, у Элли есть полное право уйти и не выслушивать эти оскорбительные намеки.

– Не понимаю, о чем это вы.

– Правда? Но он ведь вам понравился, не так ли? – Блондинка улыбнулась. – Вам он очень понравился.

– Я не целую мужчин, которые мне не нравятся, – воскликнула Элли, осознавая, насколько иронично звучат ее слова: ведь с момента последнего поцелуя прошел почти год.

Блондинка отпила еще глоток вина:

– Вы же понимаете, какая у него репутация? Он известен как железный человек, не ведающий, что такое чувства. А во всем, что касается женщин, он просто сволочь. И что вы теперь мне ответите... – она наклонилась, чтобы прочесть имя на бейджике, – Элли?

Первым порывом Элли было сказать ей, что никого не касается, что она думает об Алеке Сарантосе, однако воспоминания о его руках, так чудесно ласкающих ее тело, внезапно ожили, и тут уж было трудно не покраснеть. Сейчас все, о чем она могла думать, – это то, какой беспомощной она оказалась в его руках, как она ответила на его ласки.

Она закусила губу, вспоминая, как благородно он поступил, отослав ее домой, а она – она практически умоляла его не оставлять ее.

– Думаю, люди неправильно о нем судят, – сказала Элли. – Он просто душка.

– Душка? – Блондинка поперхнулась. – Вы что, серьезно?

– Серьезнее некуда, – ответила Элли. – Он очень мил – и в его компании приятно находиться.

– Ну да, готова поспорить, что так и было. Он ведь наверняка с вами флиртовал всю неделю.

– Вовсе нет, – произнесла Элли, щеки ее вновь порозовели. – Мы просто разговаривали о пустяках всю эту неделю. Он попросил меня присоединиться к нему и что-нибудь выпить, потому что это была его последняя ночь в отеле.

– И вы согласились?

Элли пожала плечами.

– Не думаю, что есть женщина, способная ему отказать, – честно сказала она. – Он ведь... просто великолепен.

– Соглашусь. А еще наверняка он чудесно целуется.

Элли вспомнила, как его язык скользнул ей в рот и как это было... удивительно, эротично. На несколько мгновений она почувствовала себя так, будто кто-то посыпал ее звездной пылью. Это был всего лишь поцелуй, но все же...

– Просто нет равных, – сказала Элли внезапно севшим голосом.

Блондинка минуту помолчала, а когда вновь заговорила, в голосе ее послышались ядовитые нотки:

– А что, если я скажу вам, что у него есть девушка? Что она ждет его в Лондоне, пока он тут целуется с вами?

Элли сначала не поверила услышанному, затем ощутила горькое разочарование, и наконец, услышала безжалостный голос рассудка. На что она надеялась – что такой мужчина, как Алек Сарантос, свободен и просто жаждет вступить в отношения с кем-нибудь вроде нее? Она и впрямь была такой глупой, чтобы представлять себе втайне, как он бежит по лужайке к ней, чтобы обнять ее – стоящую в униформе – прямо как в этих старых фильмах, которые она не может смотреть без слез?

Горькая правда захлестнула ее, и она начала ненавидеть себя. Ну конечно, он не вернется, и само собой, у него есть девушка. Красивая, стройная и наверняка богатая. Из худышек, которые могут бежать за автобусом без лифчика и не привлекать внимание публики.

– Он не упоминал о своей девушке.

– Ну, все правильно, разве нет? – сказала блондинка. – Разве мужчина станет рассказывать о своей любимой, когда у него есть возможность поцеловать кого-то еще?

– Но ничего не было!

– Да ну! А я вчера наблюдала просто мексиканские страсти.

Элли захотелось убежать, удалиться к другим столикам и начать их протирать, будто этого разговора и не было. Но что, если блондинка побежит к генеральному директору и рас-

скажет о том, что она видела? Тогда у руководства будет только один вариант – уволить Элли за недостойное поведение.

– Если бы я только знала, что он в отношениях, я бы никогда...

– Вы часто целуетесь с клиентами?

– Никогда, – хрипло вымолвила Элли.

– Только с ним, да? – Блондинка приподняла бровь. – Он вам не сказал, с чего это решил так низко пасть?

Элли вспомнила их недавний разговор:

– Он работал день и ночь над какой-то сверхсекретной сделкой с китайцами. И сказал, коллеги умоляли взять отпуск и отдохнуть.

– Правда? – Блондинка улыбнулась, а затем приложила к губам салфетку. – Ну, что ж. Значит, человеческое ему все же не чуждо. Да бросьте, Элли, отчего вы так испуганы – я не скажу ничего вашему боссу. Но я дам вам совет. На вашем месте я бы избегала мужчин, подобных Алеку Сарантосу. Они запросто могут съесть вас на завтрак.

Алек почувствовал, что что-то не так, еще когда вошел в зал заседаний совета директоров. Сделка прошла хорошо – все его сделки были успешными, – хотя китайская делегация существенно занизила цену, которую он просил. Алек купил компанию за копейки, исправил в ней кое-что – и теперь вот более чем выгодно продал.

И только когда все начали выходить из зала, рыжеволосая переводчица повернулась к нему и сказала: «Ну привет, душечка».

Алек посмотрел на нее. В прошлом году у них был роман, и он даже брал ее с собой к своему другу Мурату в Умбрию. Но, похоже, она не восприняла его слова всерьез, когда он сказал ей, что между ними не может быть ничего серьезного. Она очень болезненно отреагировала на разрыв отношений.

– И что это означает? – спросил Алек холодно.

Она подмигнула.

– Почитай газеты, тигренок, – промурлыкала она, а затем добавила: – Хотя там, конечно, все высосано из пальца, правда ведь?

И это было не все. Уходя, он заметил, как одна из служащих на ресепшене прикусила губу, будто пытаясь подавить улыбку. Вернувшись в офис, он напрямую связался с одним из своих помощников:

– Что происходит, Васос?

– О, много чего пишут о сделке с китайцами.

– Еще бы, – нетерпеливо прервал его Алек. – А еще что-нибудь есть?

Помощник явно заколебался.

– Сейчас принесу, – сказал он нехотя.

Алек не шелохнулся, когда Васос положил газету со статьей перед ним на стол, чтобы ознакомить с ней босса. С первого взгляда это было обычной статьей в журнале с его фотографией двухлетней давности – почему-то прессе очень нравился этот снимок, – наверное, потому, что на нем он выглядел особенно неприступным.

Над его хмурым лицом красовался заголовок: «Алек Сарантос обнаружил самородок?»

Читая статью, он почувствовал, как руки его сжимаются в кулаки.

«Один из самых завидных холостяков, похоже, досрочно выходит в тираж. Известный миллиардер с Мидаса, известный своей страстью к супермоделям и богатым наследницам, в прошлый выходной был замечен в страстном объятии с официанткой своего роскошного отеля „Нью Форест“. До этого сладкая парочка наслаждалась ужином при свечах на террасе.

Элли Брукс не принадлежит к излюбленному типу женщин Алека, но фигуристая официантка заявила, что была просто околдована этим воротилой бизнеса, так преданным своей

работе, что даже на свидании он не смог удержаться от рассказа о своей последней крупной сделке.

По словам Элли, Алек вовсе не старается соответствовать своему прозвищу Человек из стали. „Он просто душка, милый котик“, – промурлыкала она.

Возможно, теперь партнеры по бизнесу Алека поставят в зал заседаний блюдо с молоком...»

Алек взглянул на Васоса, который нервно теребил воротничок рубашки. Взглянув на шефа, он, извиняясь, пожал плечами.

– Мне жаль, босс, – произнес он.

– Не вижу причины извиняться, ты ведь не автор этой статьи. Они звонили сюда, чтобы проверить факты?

– Нет. – Васос кашлянул. – Полагаю, им это не было нужно.

Алек пристально посмотрел на него:

– О чем это ты?

Васос посмотрел ему в глаза:

– Журналисты могли напечатать это без проверки фактов только в одном случае – если это было правдой.

Алек смял газету и со злостью отшвырнул ее, точно она была грязной.

Да, это было правдой. Он целовался с официанткой прилюдно. Его личная жизнь, так тщательно охраняемая прежде, стала достоянием гласности.

Может, он временно помешался рассудком? Иначе с чего бы это он взял, что Элли – особенная женщина. Его репутация, которую он строил по кирпичику, в момент скомпрометирована какой-то маленькой белокурой дрянью, которая способна видеть только доллары.

В нем медленно начала закипать ярость. Никакой пользы отпуск ему не принес – все эти спа-процедуры и массажи, к чему это все, если его давление сейчас зашкаливает? Он, наверное, более чем серьезно переутомился, раз опустился до мыслей о сексе с таким ничтожеством, как Элли.

Алек был в мрачном расположении духа весь день, хотя это не помешало ему провести особенно сложную сделку. Он покажет миру, что он не душечка и не котик! Остаток дня он провел, погруженный в совещания, и рано заказал напитки в компании с одним греческим политиком, которому был нужен его совет.

Вернувшись в свой пентхаус, Алек принялся слушать сообщения, оставленные ему на автоответчике. Он мрачно размышлял, как провести вечер. Любая женщина готова была стать его, стоит только позвонить. Перед глазами всплывали образы аристократических лиц и фигурки его многочисленных возлюбленных. Однако теперь они все казались ему какими-то костлявыми по сравнению с пышными формами Элли.

Алек долгие годы строил репутацию жесткого, но справедливого бизнесмена... Он славился своей прозорливостью и благонадежностью. Он презирал жизнь тусовщиков, и никто не осмелился до сих пор дать газетчикам интервью. Даже бывшие женщины.

Но Элли Брукс его предала. Интересно, сколько ей заплатили? Пульс его зашкаливал от досады – а он ведь даже не позволил себе насладиться ее мягким телом. Он повел себя как джентльмен, отослав ее домой и не оскорбив ее целомудренности, и вот благодарность.

Глава 3

«Простите, Элли, но у нас не было иного выбора, кроме как отпустить вас».

Слова эти все еще звучали в ее мозгу, отдаваясь болью. Элли ехала на своем велосипеде к общежитию для персонала и размышляла над этим мучительным интервью, что только что состоялось между ней и менеджером по персоналу «Хог». Собиравшаяся гроза лишь накаляла атмосферу.

Они могли бы позволить ей затаиться и пересидеть бурю, а потом суматоха бы улеглась.

Элли ехала, разговаривая с велосипедом, по узкой дорожке, пытаясь вникнуть как следует в то, что ей сказали. Ей заплатят месячное жалование по месту востребования и позволят остаться в общежитии на четыре недели.

– Мы не хотим показаться бессердечными и выкидывать вас на улицу, – сказала ей женщина из отдела кадров, глядя на Элли с искренним сочувствием. – Если бы вы старались как-то скрыться от чужих глаз с таким высокопоставленным гостем, тогда мы бы смогли замять дело и сохранить ваше место. Но все вышло иначе, и я боюсь, мы бессильны. Мистер Сарантос устроил такой скандал, жалуясь на отсутствие конфиденциальности для гостей в нашем отеле. У меня связаны руки – жаль, Элли, вы подавали большие надежды.

И Элли, уходя из офиса, все еще мысленно соглашалась с каждым ее словом, несмотря даже на шок.

Она не могла поверить в то, что оказалась такой глупой. Она неправильно повела себя с клиентом, а затем усугубила проблему, рассказав все женщине, на беду оказавшейся журналисткой какой-то низкопробной желтой газетенки!

Это и стало главной причиной ее увольнения – она перешла границы дозволенного, предав доверие к ней важного гостя. Когда Алек звонил со своей жалобой на статью в центральной газете, Элли казалось, что телефонный провод просто вот-вот вспыхнет.

Элли поставила велосипед на стоянку возле общежития для младшего обслуживающего персонала «Хог». Приковав велосипед к перилам, она открыла входную дверь. У нее был месяц на поиски нового жилья и работы. Она снова вернулась к тому, с чего все начинала, – ни репутации, ни возможностей.

Она пошла по коридору в свою маленькую комнатку, и внушительный раскат грома послышался над домом. Было так темно, что она включила свет. Воздух, казалось, был пропитан влагой, и пряди, выбившиеся из ее хвоста, прилипали к шее. Элли наполнила чайник и тяжело опустилась на кровать, ожидая, пока он вскипит.

Что ей теперь делать?

Она уставилась на постеры, висящие на стенах, – изображения Парижа, Нью-Йорка и Афин. Она планировала когда-нибудь посетить эти места, став успешной хозяйкой собственного отеля – теперь это, похоже, никогда не произойдет.

Раздался пронзительный звонок в дверь, и Элли вздрогнула. Пригладив руками волосы, она побежала по коридору и открыла входную дверь – и сердце ее мучительно сжалось, когда она увидела человека, стоявшего на пороге. Наверное, ей все это чудится – иначе с чего бы Алеку Сарантосу приезжать к ней домой?

Несколько больших дождевых капель упали на его черные волосы, и бронзовая кожа сияла, точно лицо было высечено из отполированного камня. Элли успела забыть, какими глубокими были его голубые глаза, но сейчас в них сверкали какие-то искорки негодования.

Кожу Элли словно закололо иголочками, а грудь начала ныть, точно узнав присутствие мужчины, способного доставить ей неземное наслаждение своими ласками. Она почувствовала, что краснеет.

– Мистер Сарантос, – произнесла она, скорее, автоматически – однако по тому, как в циничной усмешке изогнулись его губы, поняла, что он счел ее слова оскорбительными.

– О, увольте, – тихо произнес Алек. – Я полагаю, мы знаем друг друга уже настолько хорошо, что ты можешь называть меня Алек, не так ли?

– Что... что вы здесь делаете?

– Никаких предположений? – спросил он бархатным голосом.

– Желаете насладиться тем фактом, что меня уволили по вашей вине?

– Ах, вот как, – мягко парировал Алек, – вообще-то ты ухитрилась сама потерять работу. Ну, так мне можно войти?

Элли сказала себе, что она не обязана его впускать. Вряд ли он станет рваться внутрь и выламывать дверь. Хотя по его виду он вполне способен на такое. Однако ей стало любопытно, что привело его сюда, и к тому же день обещал быть долгим и бессмысленным.

– Если вы настаиваете, – произнесла она, поворачиваясь к Алеку спиной и направляясь по коридору в свою комнату. Она слышала, как он закрыл дверь и последовал за ней.

Алек очень странно смотрелся в этой комнатухе. В нем, казалось, ключом была жизнь и было что-то опасное – он был настоящим альфа-самцом. И это смущало Элли. Где-то внизу живота притаилась сладкая ноющая боль, и ей безумно захотелось поцеловать его. Тело реагировало на него так странно, что мысли разлетались, точно бабочки, а губы внезапно пересохла. Она облизнула их, но от этого ноющая боль лишь усилилась.

Чайник уже оглушительно свистел на плите, вскипая, и клубы пара делали комнату похожей на сауну. Элли почувствовала, как пот течет по ее спине. Рубашка прилипла к коже, а джинсы так плотно облегли бедра, что она вдруг начала ужасно стесняться своего тела.

– Что вы хотите? – произнесла она.

Алек не ответил. Он на время позабыл про свой гнев, медленно закипающий внутри и превращающий все его чувства в один кипящий котел.

Алек огляделся. Комната была маленькой, чистенькой, и даже на подоконнике рос цветок. Узкая кровать – он немедленно ощутил прилив желания, взглянув на этот предмет интерьера. Когда он только начинал свою карьеру – он тогда был гораздо моложе, чем Элли сейчас, – в каких только темных и неприветливых укрытиях ему не приходилось спать. Он работал сверхурочно, получая копейки, чтобы хоть что-то заработать и иметь крышу над головой.

Алек поднял глаза на Элли, вспомнив, как его тело реагировало на нее той ночью в отеле. Она же была такой простушкой, самой обычной девушкой. Пройдя мимо нее на улице, он даже бы и не обратил внимания. Затрапезные джинсы и рубашка. Но глаза ее сияли каким-то серебристым светом, и пряди белокурых волос выбивались из хвоста, кончики их соблазнительно завивались.

– Ты продала свою историю, – бросил Алек.

– Я ничего никому не продавала, – возразила она.

– Ты хочешь сказать, что журналистка сама прочитала твои мысли? Она просто угадала, что мы целовались?

Элли покачала головой:

– Все нет. Она нас видела. Стояла за деревом неподалеку и курила, вот и увидела, как мы целуемся.

– Ты имеешь в виду, что все было подстроено? – спросил он бесцветным голосом.

– Ну конечно нет. – Она с негодованием поглядела на него. – Вы полагаете, я специально решила сделать так, чтобы меня уволили?

Алек приподнял брови в недоумении:

– Так это просто случайность...

– Да, – сердито оборвала Элли. – Женщина оказалась журналисткой. Она просто отдыхала в нашем отеле, а на другой день она атаковала меня вопросами в ресторане, когда я обслуживала ее столик.

– Можно было сказать «без комментариев», когда она начала спрашивать тебя, – гневно ответил Алек. – Вовсе необязательно было изливать свои чувства и давать мне уменьшительно-ласкательные прозвища – ты разрушила мою репутацию, это подорвало доверие, которого я добивался столько лет. Почему ты это сделала?

– А по какому праву вы приходите сюда, бросая мне все эти обвинения?

– Ты выкручиваешься, Элли, уходишь от разговора. Я задал вопрос. Отвечай.

Последовала пауза, прежде чем она вновь заговорила.

– Просто... она мне сказала, что у вас есть девушка, – ответила Элли.

Алек поднял брови:

– То есть из-за этого ты решила, что имеешь право распускать обо мне сплетни?

– Как я могла надеяться на это, ведь я даже не знала, кто она такая?

– Для тебя это в порядке вещей – трепаться с первым встречным?

– А для тебя в порядке вещей спать со всеми подряд?

Алек резко втянул воздух.

– Если уж на то пошло, сейчас у меня нет девушки, а если бы была, тогда бы я точно не стал целоваться с тобой. А вот ты, кажется, не очень-то понимаешь, что такое верность и преданность.

Элли поразил холод в его глазах.

– Ну ладно, – сдалась она. – Я позволила себе сказать о вас лишнее, этого не следовало делать, и из-за этого ты сделал так, чтобы меня уволили. Теперь мы квиты?

Алек посмотрел в ее глаза.

– Не совсем, – тихо произнес он.

Элли хотела Алека Сарантоса больше, чем кого-либо в своей жизни, и это чувство не изменилось. Напротив, оно даже усилилось. Она ощутила, что дрожит, и тут он потянулся к ней и притянул ее к себе.

Лицо его все еще было сердитым, и оттого казалось, что он совершает что-то против своей воли. Элли почувствовала вспышку негодования – да как он смеет так на нее смотреть? Его губы встретились с ее губами, а ее руки, вместо того чтобы оттолкнуть его, схватили его за плечи, и вот она уже целовала его в ответ – так же требовательно. Поцелуй был небесным наслаждением – или адским пламенем, Элли еще не успела понять. Она хотела, чтобы он забрал все свои ужасные обвинения назад.

Элли тихо застонала, и Алек, услышав это, задрожал всем телом – ему страстно захотелось стянуть с нее джинсы и овладеть ей. А может, стоит повернуться и уйти, найти кого-нибудь получше. Честную и прекрасную девушку, а не Элли, которая к тому же была разгоряченной и потной после езды на велосипеде в самый жаркий день этого года.

Но в его руках она была такой... мягкой. Просто невероятно – как десерт «Турецкий восторг», когда трогаешь его пальцем в предвкушении его сладости. Он оторвался от ее губ и медленно поднял голову, встретившись взглядом с ее глазами.

– Я хочу тебя, – произнес он.

Алек увидел, как задрожали, раскрывшись, ее губы, будто она собиралась назвать ему все причины, по которым он не должен ее хотеть – наверное, их у нее предостаточно. А затем что-то в ее взгляде поменялось – зрачки расширились, а кровь прилила к щекам. И внезапно – он не мог поверить своим глазам – она посмотрела на него с решимостью.

– Я тоже хочу тебя, – произнесла она.

В голове Алека будто взорвалась бомба – ничего подобного он еще не испытывал, целуя девушку. Он целовал Элли, и желание было таким сильным, что его губы были почти жесто-

кими. Они целовались долго, пока наконец у обоих не сбилось дыхание. Он оторвался от нее и принялся прерывисто хватать воздух. Ее глаза казались огромными, очень темными, а губы дрожали. Чувствуя, что теряет контроль над собой, он распахнул ее рубашку, высвободив груди и уставился на них, не в силах оторваться.

– Бог мой, – тихо произнес он. – У тебя потрясающая грудь.

– П-правда?

– Я именно так ее себе и представлял. Она даже лучше в реальности.

– Ты представлял себе мою грудь?

– Каждую ночь.

Алек провел пальцем по крутому изгибу, и она застонала, когда он прикоснулся к тому же месту губами. В этот момент она прижала ладонь к его упругой ягодице, обтянутой джинсовой тканью, будто давая ему знак продолжать.

Алек тоже застонал и выпрямился, чтобы вновь ее поцеловать. Поцелуй их, казалось, длился вечность. Наконец она начала извиваться в его руках, желая большего, и он стянул резинку с ее волос, так что они рассыпались по плечам, и она вмиг преобразилась.

Руки его тряслись, когда он освободил ее от одежды, затем, положив на узкую кровать, разделся сам, не отрывая взгляда от ее лица. Трясущимися руками пошарил в кошельке и нашел презерватив. Неуклюже его надел, будто это был его первый раз, Алек лег на нее сверху, дрожащими руками приглаживая густые волосы. Он вошел в нее с протяжным криком.

Алек начал совершать ритмичные движения – это было райским наслаждением. Сладостью. Прошла, казалось, вечность, прежде чем тело ее напряглось. Наконец Элли замерла, спина ее выгнулась, и – неожиданно – она заплакала.

Только тогда Алек позволил себе расслабиться. За окном гром, казалось, буквально раскалывал небеса. По стеклу застучал дождь. И Алек почувствовал, как тело его точно разлетается на части от самого незабываемого оргазма в его жизни.

Глава 4

Элли перевернула табличку в окне на «Закррито» и принялась убирать ягоды смородины и стирать иней со стеклянных прилавков кондитерского магазина. Она составила в ряды картонные коробки, подмела пол и сняла кружевной фартук.

А потом направилась в кладовую маленького магазина и, стоя там, заплакала.

Элли знала, что ей невероятно повезло с работой и жильем – она устроилась в магазинчик «Кэнди Капкейкс» почти сразу после увольнения из отеля. И вдвойне повезло, что доброй Бриджет Броди она понравилась и она взяла ее на работу, не заботясь о громком скандале, сопровождавшем ее увольнение. Но сейчас она не могла ощущать благодарность судьбе.

Элли поднялась в маленькую, уютно обставленную квартиру над магазином, и на сердце ее будто лежала бетонная плита. В гостиной висело зеркало, Элли не могла не посмотреть на себя. Здоровый загар уже давно потускнел. Теперь лицо ее было бледным, грудь увеличилась, а кожа, казалось, скоро начнет свисать с тела. Она похудела. Она ничего не ела с утра до полудня, потому что ее тошнило.

Она была беременна от Алека Сарантоса и не знала, что ей с этим делать.

Не важно, что от него не было весточки с тех пор, как он, миллиардер из Греции, покинул ее скромную спальню, оставив ее раздетой в постели. Теперь речь шла не только о ней. Она знала, каково это – жить без отца и нормальной семьи.

Элли мысленно перенеслась в тот ужасный день и миг, когда она, открыв глаза, увидела Алека Сарантоса, лежащего на ней в ее узкой кровати в общежитии для персонала отеля. Его теплая кожа грела ее, он прерывисто дышал, точно после гонки. Элли чувствовала себя так, будто плывет куда-то, а ей хотелось остановить этот момент, чтобы он не кончался.

Элли даже не поняла, что изменилось. Сначала они лежали вместе и были так близки, а в комнате было так тихо, что стук дождя по стеклу казался оглушительным. Она слышала удары его сердца и чувствовала на своей коже его теплое дыхание. Казалось, радость ее искрилась пузырьками, как газировка. Конечно, до этого у нее были отношения с парнями – но никогда еще не доводилось ей ощущать такое удовлетворение и ощущение полноты. Интересно, он тоже это чувствовал? Она потянулась, чтобы кончиками пальцев погладить волосы Алека. И в этот момент она увидела что-то в его глазах – будто он совершил самую большую ошибку в своей жизни. Голубые глаза его, прежде затуманенные удовольствием, превратились в льдинки.

Алек поморщился, даже не стесняясь ее, и осторожно отстранился, удостоверившись, что презерватив в порядке. Элли вспомнила, как зарделась и почувствовала себя абсолютно сбитой с толку.

Мысли ее путались, пока она лихорадочно пыталась понять, как справиться с ситуацией. Однако опыт ее общения с мужчинами был небогат, и уж тем более в отношении миллиардеров из Греции. Она решила, что лучше всего держаться холодно.

Она помнила, как притворялась, что засыпает. Прикрыла глаза ресницами, будто веки ее были налиты тяжестью. Она слышала, как он ходит по комнате, собирая одежду с пола и натягивая ее на себя. Она украдкой бросила на него взгляд из-под ресниц: казалось, он избегал смотреть на нее, будто это было выше его сил.

– Алек? – произнесла Элли спокойно.

Он уже был полностью одет – хотя и выглядел несколько растрепанным. Странно было видеть влиятельного богача в своей комнате, в рубашке, все еще мятой. Он приглаживал руками волосы, кожа его блестела, покрытая испариной пота после секса, но глаза его оставались холодными. Она заметила, что он ищет в карманах ключи от машины. А может, просто проверяет кошелек.

– Это было чудесно, – произнес Алек, и сердце ее чуть не выпрыгнуло из груди от радости. – Однако это была ошибка, – закончил он, быстро и осторожно улыбнувшись. – Полагаю, мы оба это понимаем. Прощай, Элли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.